

УДК 1:574.911.3: 001.8: 572.9

В.Н. Бочарников
ТИГ ДВО РАН, Владивосток, Россия

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ, ПРИРОДА И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПЕРЕКОДИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Пространство, как основа жизненной среды для всего существующего на Земле, есть матрица развития любого индивидуального или социального организма. Доказано, что совершенствуя свою материальную и духовную природу, отношения между людьми и отношение с природой, человек выступает активным субъектом эволюции, с ростом населения на планете все в меньшей степени человеческая жизнь оказывается детерминированной биологической и культурной составляющей, но во все большей степени принадлежит социальным структурам самого человечества. В статье показано, что способность познания мира реальности не равна человеческому восприятию, она дополнено мышлением, и как следствие для построения адекватной современному уровню развития фундаментального научного знания, требуется абстрагирование, идеализация и интерпретация. Таким образом, научная организация современности предстает глубоко разъединенным и дифференцированным процессом, с одной стороны, так и интеграционными попытками и объединением-исследованием, выраженными в тенденциях к меж- и трансдисциплинарности, с другой стороны.

Ключевые слова: география, наука, глобализация, этнический код, ГИС

Наука – это исследования. На данной принципиальной основе познается все сущее в деталях, во взаимосвязях и закономерностях. В науке построение целостной научной картины мира, являющееся ключевой проблемой естественно-научного познания, ориентировано на предельно возможную детализацию и объективизацию в русле многих частных дисциплин. В диалектике, продолжающей быть в основе большинства создаваемых научных конструкций, метод необходимых противоречий позволяет создавать адекватно-идеальную модель любого объекта реальности, что свидетельствует об ориентации на развитие, движение и взаимопроникновение противоположно-

стей (Андреев, 2007). Таким образом, постклассическая наука выделяет нужное, формирует цель и задачи исследования, рассматривая изученное через предмет познания, который функционирует по объективным законам.

Текущее десятилетие обозначило многие новые проблемы, определяющие потребность в новой калибровке подходов к таким важным темам, как методология и технологии изучения и оценки территориального природно-ресурсного потенциала, имеющихся биологических ресурсов и нового международного представления к одной из функций территориальной природно-ресурсной системы - экосистемным услугам. Мы также нуждаемся

в вычислении «формулы места», понимаемой как формализованная лаконичная компактная характеристика, противопоставляющая отдельный геобъект всей остальной поверхности, что может сколь угодно полно дополнено описанием или количественным расчетом [1].

Процессы «неостановимой» экспансии освоения человечеством планеты, все более «плотное» размещение и территориальное продвижение на ранее сохранявшиеся относительно нетронутыми участки суши и морские акватории, коренным образом меняет установившийся в течение многих сотен веков баланс общепланетарного равновесия. Достаточно самоочевиден тренд на «схлопывание пространства» или «пространственное сжатие», что вполне отчетливо просматривается для территории нашей страны. В этой связи в парадигме постпозитивизма предполагается, что с помощью науки человечеству станет возможным изучить все, что существует, точнее – все, что способно зримо проявиться в реальности. Важнейшей точкой роста практичности научных исследований представляется осуществление все более полного охвата территориальных связей и сопряжений с природно-ресурсной средой (структурами) на принципах устойчивого развития в интегральных единицах, разработанных в географии – геосистемах.

Пространственными или **географическими проекциями** на земной поверхности являются локализованные на ней соответ-

ствующие разнокачественные результаты-свойства территории, взаиморасположение (дифференциация) и наложение (общность) которых под воздействием человека и в совокупности с результатами природных процессов составляют содержание объективного географического фактора общественного развития, обозначаемого категорией «геопространство». Отметим здесь, что множество векторов региональных трансформаций ландшафтов планеты меняет саму реальность на наших глазах, более того, само цивилизационное развитие транслирует новые интенции фундаментальной проблемы научного сопоставления части и целого в сущем. Закономерным оказывается то, что волны множественных региональных процессов деформации природы, трансформируются и порождают вполне очевидные последствия крупных социальных и культурных изменений, глубоко затрагивая и непоправимым образом изменяя саму суть экологического баланса между человеком и природой.

Гуманитарно-географические объекты оцениваются с точки зрения оценки значимости их в культуре, основная составляющая культурного объекта информационная, та что определяет его связь с историей. Но ныне появляются не только новые схемы научно-познавательных моделей, но кардинально меняется и сама привычная методология традиционных географических исследований. Известно, что географы подходят к

изучению проблем идентичности, обращаясь к изучению географической среды, рассматривая в характеристиках территории главную причину конкретного формирования какой-либо культуры или иные особенности географической среды и оценивая её как определяющий фактор территориальной дифференциации культуры. Пространство в географической науке всегда и с неизбежностью «очеловечивается», хотя само существование в ней природной (физической) и общественной составляющих свидетельствует о признании необходимости неизбежной объективизации путем разделения естественного природного и «очеловеченного пространства» (В.А. Кобылянский).

Особенность географии состоит в том, что ее методами исследуются «неточечные» (выражение Ю.Н. Гладкого) объекты, следовательно: «важнейшая задача современной географии: исследовать с возможной полнотой механизм взаимодействия природы и общества, объективно и всесторонне оценить экологическую обстановку в мире, наметить пути улучшения использования природных ресурсов, запасы которых стали катастрофически сокращаться». Новым станет учет фактической неравномерности пространства, наличия полярных позиций, которые связаны как с освоенной, фактически заселенной территориями (в древней традиции признания Ойкумены), и обширных, с хорошей сохранностью природных свойств малозаселенных территорий, которые мож-

но обозначить полярным концептом «дикая природа».

Знание предельностей и исходных смыслов противостояния естественного и искусственного становится особенно актуальным в контексте широкого современного использования синергетических принципов в науке, а также с учетом ввода в практику и активное использование био-нано-когнитотехнологий. Конструктивной задачей географии является обеспечение пространственно-средового взгляда на особенности территориальной организации общества с выявлением и объяснением причинно-следственных взаимосвязей, природных и антропогенных факторов, что априори должно рассматриваться с эколого-географических позиций, хотя не всегда общепринятое понимание содержания и предмета исследований конкретной отрасли научного знания «исчерпывает» реальные ее возможности. В этом бесконечном процессе, человек меняя свою среду, во множестве социальных и культурных аспектов изменяет и трансформирует и самого себя, вероятнее всего трансформационные процессы такого рода изменили уже нас непоправимым и невозможным прежде биологическим образом.

Представляется, что возникает новая необходимость выявления роли культуры, чему посвящается гипотеза культуры как инструмента поддержания принципиальной миссии человечества - поддержания общепланетарного баланса, запи-

санного посредством существования сложнейшего этнического кода (этнокода), присутствующего в каждом из нас. Критичным предстает сама доминантная позиция ресурсного принципа отношения человека к окружающей его среде, что проникло настолько глубоко, ведь следы ее могут быть замечены даже в самых «щадящих» формах природоохранной деятельности. Здесь особенно тревожны последствия этого, которые совершенно иным и непредсказуемым образом способны изменить современную ситуацию в мире, и требуется надежный и адекватный инструмент ориентации в стремительно изменяющейся окружающей среде человека.

Природа, по современным геоэкологическим представлениям, и в контексте экологической философии и философии экологии, предстает как дихотомия освоенного (очеловеченной природы) и неосвоенного пространства - дикой природы. Именно данный пространственно-временной континуум позволяет отобразить достаточно верно существующую диалектику взаимоотношения человека и природы. Мир никогда «не готов», никогда не является устоявшимся, завершенным, он каждый раз рождается в новом восприятии. Вполне очевидным предстает, что пространство в научных представлениях воспроизводится как логическая среда, структура, в ограниченных пределах которой возможно конструирование некой реальности, конкретизированной в объектной форме предметов, связей и взаимодей-

ствий, представленных материальными и нематериальными субстанциями.

Теоретическое направление познания общей географии включает в данном контексте разнообразные пространственные концепции такого рода как «формула места»¹, а также представляется в проекциях моделями-образами – ландшафтной сферы, геоверсума, социобиосферы, антропоэкосистемы, тем самым получает теоретическое осмысление установка «органицизма», связанного с системными по своей сущности учениями о ландшафтах, биогеоценозах, биосфере и ноосфере. Здесь надо обозначить, что принципиальной особенностью научного конструктивизма является то, что это - продукт теоретизирования, абстракции, измышления, а тогда очевидно, что все не являющееся событием, является конструктом: теории, гипотезы, принципы, математические формулы, диаграммы, измерения. В то же время обращает на себя внимание и реанимация концепции Геи о целостности планеты, о ее функциональности как единого организма, уникального образования Космоса. Вполне очевидно, что заново формируется особая система (геосистема) планетарного уровня, где: между ее элементами (подсистемами) меняется вектор динамической зависимости «всесистемной объединенности».

В прикладных аспектах использования географического под-

¹ Зырянов А.И. Формула места // Региональные исследования, № 2, 2013. С. 20-25;

хода для сложных процессов принято использование кодирования, и широко распространено само понятие программного кода. Как наиболее перспективная область приложения научных усилий может служить менталитет, и таковой должен приниматься как система качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности, сформировавшаяся на основе этнокода под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного творчества субъекта – человека. Слово «природа» чаще всего используется, обозначая все остальное, помимо людей и их творений. Это, конечно, является двусмысленным. Но ныне все более очевидно проявляются последствия научной неадекватности и нетождественности фактически сложившейся модели взаимодействия человека и природы в реальном мире, что отчетливо становится видно в односторонности «примата потребления», во все более активно формирующихся структурах глобального общества знаний (информационного общества).

Ю.Н. Гладкий дает определение, что «географическая наука – это уникальная матрица, устанавливающая сложнейшие механизмы пространственной коммуникации и корреляции между естественной и очеловеченной природой». Современные приоритеты устойчивого развития связываются с «зеленой экономикой», инновациями и их модификациями для исполнения в контексте регионализации. В этих

условиях введение в оборот выше обозначенных концептов также придает особый смысл «пространственной трансляции» в понятиях и научных представлениях нового развития геоэкологии. Альтернативой выступает то, что становление человечества как единого целого в производственно-экономическом и финансово-информационном аспектах общепланетарной интеграции знаменует функциональную роль текущего процесса глобализации. Надо стремиться методами синергетики, которая изучая открытые, обменивающиеся веществом и энергией с внешней средой нелинейные системы, т.е. такие системы, которые «несут» в себе бифуркацию (дилемму выбора), преодолевать ограничения диалектики и делать возможным получение упорядоченной модели, конструкции географической картины мира, как в образном отображении и в текстовых форматах, так на базе моделей и расчетов уравнений из теорий катастроф, сложности, управляемого хаоса.

Здесь следует попытаться найти некое общее – представляется, что все основатели современной философской антропологии уверены в том, что то, что делает человека человеком, лежит вне того, что в самом широком смысле называется духовной жизнью или возвышением над насущными «живыми» потребностями. Потребность в однозначном характере отображения действительности и формулирование программ, определяющих способы взаимодействия с окружаю-

щим миром, все активнее проявлялась по мере цивилизационного развития, с усложнением технологических приемов и навыков людей. В условиях глобализирующегося общества оказывается весьма затрудненным, и практически невозможным корректное обращение к пониманию настоящей роли этнических общностей, как и иных конструктов, которые все в большей степени заменяют прежние представления об этносе. Но ни одна из карт в традиционных атласах и отдельных изданиях не дает четкое представление о реальной этнической дифференциации, впрочем, как и попытки создания схем этнокультурного, историко-культурного и культурно-географического районирования. Особую роль, как и главные трудности, вызывает вопрос систематизации этничности: субэтнос, этнос, суперэтнос, метаэтнос.

Л. Н. Гумилев подчеркивал, «что каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в биоценозе ландшафта», и называл такой ландшафт не только вмещающим, но и кормящим ландшафтом. Усилить данный процесс может продвижение четкой позиции того, что только география адекватно способна «вписать» категории пространства и времени, как в природу, так и в культуру. Но на основании только традиционных приемов картографирования нельзя корректно вычленить, пространственно локализовать все современные крупные суперэтноты, особенно это заметно

при составлении географических карт этнического состава. Очевидно, что более понятный вариант будет возможно показывать данные сливающие наши задачи через исторические судьбы и жизненную очевидность настоящего этносов, и если для «больших народов» - необходимую для народа функцию - проживания, поддержания и заботы о конкретной территории.

В науке, понятие или образ пространства одна из базовых метафор исследования и использования этих результатов в практической деятельности. Более того, только данный конструкт предстает принципиально важным условием приобретения нового осмысления всей текущей реальности, позволяя найти верные реперные точки в недавнем прошлом. И как актуальная задача в достижении «площадки понимания» предлагается «...поиск корреляционных закономерностей информационных образов (геообразов) и природы или географической среды» [2, С. 11]. Географическая картина мира конструируется как некое организованное целое, контекстуально превышающее математико-логическую сумму взятых своих составляющих. Для нее нужна еще крайняя отправная точка в формулировании диалектического ввода противоположного ему концепта, и таковой стал заимствованный в североамериканской природоохранной практике термин «дикая природа». Само же противопоставление урбанизированных пространств (городских агломераций) и естественных природных

ареалов – дикой природы, не придумано человеком, оно следствие, констатация фактически сложившейся ситуации на планете, несмотря на многочисленные попытки «управления» природой в определенную эпоху и определенным социумом в кажущемся нужном ему направлении.

Дикая природа – это особый образ, концепт, идея, географический образ. Сам термин как таковой – это не только переведенное на русский язык относительно малоизвестное у нас научное понятие «wilderness», скорее в русскоязычном значении дается совершенно иная интерпретация и трансляция совершенно новых предельных смыслов характера взаимодействия человека и природы и их восприятия. И здесь можно уверенно утверждать, что таковой характер человека сопровождает сотни тысячелетий и даже миллионы лет. То есть – это человек и его общность – этнос, вмещающий или кормящий ландшафт, и противоположный полюс – естественная, девственная или дикая природа [3]. Любопытно заметить, что соответствующий перевод на русский язык рассматриваемого термина в русскоязычном сегменте Википедии был сделан как «дикая местность», и еще можно найти его интерпретацию как «пустыня» или «целина». Дикая природа это – родовой архетип, философская категория, но и практическое обозначение. Но нерешенность фундаментального противоречия сосуществования природы и человека является причиной

того, что философия и наука, раз за разом возвращаются к попыткам осмысления и решения некоторых фундаментальных проблем, или если быть более точным, масштабных вызовов человечеству.

Ноосферная парадигма продолжает привлекать активное внимание научного сообщества, при том, что ее элементы претерпели значительные изменения в период ее активной разработки и переработки в XX в. И с каждой эпохой, с каждым поколением – меняется ее содержание, усиливается значимость, усложняется понимание, но обращение к сути «дикой природы» фундаментально не устаревает. В противоположность этому можно признать, что культурный ландшафт – «удобный», наглядный, но сложный геоконцепт в отечественной культурной или гуманитарной географии, будет достаточен для отображения «крайних границ» всего спектра последствий взаимодействия с природой. География успешно обеспечивает пространственную наглядность, понимание хронологии любого упорядоченного бытия человека, при том, что все они взаимодополняемы, могут быть интерпретированы в контексте четырех основных понятий: пространство, место, территория и регион (Костинский).

Философия природы и постнеклассическая наука не равны и не адекватны прежней натурфилософии и классическому естествознанию, не соответствуют прежним установкам человечества также язык и понятийные концепции

взаимодействия человека и природы, не выстроена пирамида суперсистемы «природа – общество – человек» [4]. Суть же парадигмы социального конструктивизма заключается в том, что значение и содержание знания не может быть установлено без принятия во внимание условий, при которых это знание было произведено. Однако, данная простая формула объяснения мирового порядка перестала действовать к началу третьего тысячелетия: «регионализм – глобализация – регионализация» не давала, чему подтверждением стали экономико-политическая нестабильность мира и потрясающие его регулярно глобальные кризисы разного происхождения и «окраски» [5]. Важнейшим свойством любых географических объектов является географическое положение, и такая функция ее как разнообразие – географическое, культурное, биологическое, технологическое... предстает одним из ключевых понятий современности.

Ричард Хартшорн задачи географии характеризовал только лишь в рамках изучения «территориальной дифференциации земной поверхности», и в способности данной науки к описанию отдельных «земных пространств». В современном профессиональном понимании, в данной парадигме общественной географии продолжает бытовать понимание, что лишь различная степень хозяйственного освоения и трансформации природно-общественных комплексов, региональные особенности размещения

производительных сил, многоуровневая специфика природопользования, транспортно-географические, демографические, социальные, экологические факторы в их бесконечном взаимодействии формируют исключительное разнообразие геосистем неопределенной размерности. Возьмем к рассмотрению экстраординарный феномен современности, выраженный тем, что глобальные процессы урбанизации, информатизации, технологизации и модернизации сотрясают и грозят уничтожить целостность нашего общего местообитания, сушу, но не только, уже и значительные пространства морской акватории, того мегаресурса, к которому все в большей степени обращается человеческое общество.

Геоэкономическая политика – неотъемлемо-важный элемент любого государства, условие для создания и поддержания общечеловеческого, государственного и национального богатства. Национальная экономика зависит от состояния мировой экономики, и текущий тренд мирсистемной экономики демонстрирует высокий уровень динамичности, что должно учитываться в национальной политике и региональной экономике. Ведущей установкой в географии становится восприятие мира как многомерного пространства со сложной системой связей и зависимостей. По нашему мнению следует использовать самые различные теоретические принципы и методические приемы для делимитизации крупной территории, в практиче-

ском аспекте более важна возможность организации общей информационно-технологической основы, которую, на наш взгляд, следует формировать с помощью многопользовательской информационной системы как ключевого условия междисциплинарных исследований.

Экономико-географы заняты расчетами балансовых моделей, конструированием и обоснованием территориально-экономических структур (систем), анализом и прогнозом пространственно-экономического развития. Составляющие процесса глобализации предусматривают целостность, взаимосвязанность и взаимообусловленность мира, в то время как противоположный вектор регионализации многообразно «делит» мир, создавая барьеры между странами и народами. Множество ответов можно найти на вопрошание данной недостаточности, но полной удовлетворенности ни в науке, ни в иных формах знания не происходит. Регионализация может быть выражена фрагментацией мировой (экономической) хозяйственной деятельности, и при этом сохраняющей природную, общественную и культурную особость, специфичность пространственных региональных проекций – территорий. В последней трети прошлого века отечественную концепцию мирохозяйственных отношений разработал Б.М. Ишмуратов в конце 1970-х гг. В пространственной экономике П.А. Минакир позиционирует в центр внимания не столь-

ко регион как относительно автономную социально-экономическую единицу, сколько пространственное распределение значений микро- и макроэкономических параметров (средних и предельных затрат факторов производства, цен благ и услуг, факторных цен, доходов, сбережений, занятости и пр.).

Ныне географическая картина мира приобрела совершенно иной фундаментальный характер. Современные «миросистемные» (мирохозяйственные) тенденции заключаются в «сжатии» пространства, как физического, так и «виртуального», усугубляемого глобализационными процессами. Изучению роли пространственного фактора в экономическом пространстве посвящена целая серия исследований, которая оформилась в самостоятельное научное направление «пространственная экономика». Вполне ожидаемо то обстоятельство, что определенным образом сменяются условия и структурные элементы наднациональных стратегий и фундаментальных международных программ: отчетливо вырисовывается приоритет «зеленой экономики», территориальной экспансии в ранее неосваиваемые районы, активный ввод в ресурсное пространство обширных площадей морских акваторий и арктической зоны.

Современный мир не представит единым в своей организации, в геополитическом представлении имеются не только государства и наднациональные структуры (крупные бизнес-структуры, меж-

правительственные и негосударственные организации, рыночные, инфраструктурно-технологические и информационные структуры), выступающие как самостоятельные акторы. Драйверы глобализации представляют международный финансовый рынок, транснациональные корпорации (ТНК), разнообразные сетевые сообщества, обеспечивающие международное взаимодействие, сбыт и перераспределение товаров, продуктов и услуг, информационный и инновационный обмен. Цели развития тысячелетия (MDG aims) и подтвержденная пять лет назад, на последнем Саммите по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро парадигма устойчивого развития продолжают быть основной международной программой развития человечества.

Здесь, впрочем, следует признать, что глобализация последней трети XX в. была американизирована, и глобальное сообщество стремились вестернизировать. Конкурентной сутью ресурсного, энергетического, финансового, экономического взаимодействия стран «золотого миллиарда» сформированы драйверы глобализации, ныне происходящие на фоне текущей смены мирохозяйственной системы, что объективно не выглядит сколь-нибудь позитивными в сложившемся ранее историческом пространстве. Наглядным свидетельством этого служит потребительская модель общества с ее структурированным утилизационным центром городов мира, где пропадает простой смысл вопро-

шания миссии человека, и происходит дистанцирование от «животной» и «варварской» сущности человека. Экономика – является одновременно целью и средством в геополитических интересах, в то время как политика и военное дело обеспечивают процессы получения экономических выгод, в свою очередь, сформированных социально-культурными потребностями конкретных народов, наций, государств.

В рамках устойчивых архетипов мышления политических элит и бюрократии, закрепивших исторически сложившиеся в разных странах неоднородные представления о порядке и рациональности, что объясняет реальность феномена «зависимости от траектории развития (колеи)» (А.И. Трейвиш). Если мы обращаемся к геополитике, таковая использует системно-структурный подход, выделяются стратегические (политические) регионы, отличающиеся между собой в выделенных границах, на конструктивной основе, позволяющей выделить как ментальные конструкции – центры силы и оси влияния, интеграции и соперничества, суверенность и политическое лидерство. Для традиционного объяснения причин резкой неравномерности развития стран и регионов общественная география широко использует концепцию (модель) «центр-периферия», согласно которой в основе структурирования мира и мирового хозяйства, стран, регионов и их хозяйственных систем, лежит постоянное перераспреде-

ние производимой здесь массы прибавочного продукта от периферийных и полупериферийных зон к соответствующим «процветающим» центрам.

Очевидно здесь, что понятие «пространство» удобным становится тогда, когда нужно обратить прежде всего внимание на принципиальные результаты генерации мысли, но не на статистику частных движений материального характера, так в общенаучном смысле обозначают географический подход «раскрывающий связь в пространстве сосуществующих вещей, явлений» (Б.М. Кедров). Но представим здесь, что само возникновение культуры как условие развития социума объясняется тем, что каждый народ имеет космологическую функцию поддержания баланса планеты, а формы этого меняются в соответствии с каждой эпохой. Именно на этом фоне, следует искать верное объяснение того феномена - почему же за более, чем полувекое объявление и продвижение парадигмы устойчивого развития все еще далеко от какого-либо удовлетворяющего результата? В этой связи, геополитика в географических публикациях всегда бывает органично связана с пространством, и именно в выражении тех отношений с которыми наиболее «проявлены» экономический, политический и военные аспекты территории.

Приставка «гео-» маркирует и всегда обеспечивает особость объектного понимания, где диалектика протяженности и дискретности

формирует структуру пространства в целом, а многообразие материальных форм приводит к многообразию пространственных структур. Геоэкология, геоэкономика, геополитика, геопсихология - это те направления, которые позволяют раскрыть совершенно по-иному множественность географических представлений и человеческого потенциала восприятия, необходимых для формирования индивидуальной и коллективной картины мира. Однако, сообщество влиятельных российских и западных политологов отмечает «перелом» глобальной системы, в которой зафиксирован «меняющийся лик» глобализации, констатируется существование огромных рисков военных конфликтов, в т.ч. с участием ядерного оружия, повышенный уровень политико-экономической нестабильности, что углубляется воздействием терроризма и региональных конфликтов, имеющих причиной территориальные, ресурсные, религиозные, экологические причины. Необходимо совершенно иное определение континуального взаимодействия традиций и инноваций, требуют нового рассмотрения воззрения о языке, мифах и обычаях, архетипов и образов, ведется новая глубокая переработка накопленного исключительно объемного и разнообразного эмпирического материала, который еще слабо используется в геэкономике.

Ныне мы становимся свидетелями нового процесса региональной идентификации, природа которого многогранна, само влияние

процессов глобализации на все регионы мира и территориальную структуру любой страны исключительно противоречиво, при том, что повсеместно региональный аспект природопользования все чаще должен рассматриваться в свете общенациональных и глобальных взаимодействий. При том, что в основе внешнеэкономической стратегии каждого государства лежит приоритет собственного развития. Рационализм же в своих обобщениях, доходящих до механицизма, предопределяет упорядоченность и стремление «порождать» универсалии. Его абстрактные формы опыта и мышления не способны исчерпывать при этом все наши возможности приобретать и использовать знания об окружающей действительности. В лучшем случае будет продолжаться развиваться прагматичный идеал завораживающего будущего «информационного общества», «общества знаний» и «инновационного пространства».

Геополитика должна учитывать взаимосвязи между человеческим восприятием, воздействием и антропогенным изменением физической среды и мировой политикой (К. Грей), что как следствие имеет синтетическую ее природу, включение в свой методологический арсенал подходов многих научных дисциплин (истории, политологии, экономики, этнологии, экологии и т.д.). Этим условиям отвечает, в целом, география, в самую суть которой вложена предопределенность разработки и корректировки матрицы корреляционных отношений

всего спектра взаимоотношений человека и природы (Ю.Н. Гладкий). Именно так в географическом отношении можно найти аспекты глобализации, как и попытки распространения объединяющих инициатив, в противоположности глобализационно-региональных векторов, ориентированных на скоординированность и совместное исполнение (со-исполнение) международным сообществом.

Классически, экономика может рассматриваться как система научного изучения и широкого понимания общественной (хозяйственной) деятельности человека, измеряемой или рассчитываемый как «полезный смысл» в отношении государства, страны, народа, локального сообщества, или абстрактного (среднего) индивида. Любая человеческая деятельность как составляющая жизни может быть реализована в пространственно-временном континууме, но каждый из людей создает свой персональный мир, что собственно объясняет наличие человеческой психики и ее «приспособленность» к существованию на нашей планете (Шабельников). В современных теориях коммуникации сообщение рассматривается как культурно-семиотический конструкт, что позволяет изучать многоуровневый процесс производства и трансляции смыслов. Ныне новые технологии, междисциплинарная методологическая направленность науки и практически неограниченные коммуникационные возможности современного постиндустриального

общества обеспечивают высокую эффективность организации и применения пространственной информации геоэкономического, геоэкологического и геополитического характера на всех уровнях принятия решений в сфере международной политики, где все слабее ощущается национальная составляющая.

При участии СМИ современная картина мира все в большей степени презентуется в своей коммуникативной (гипертекстовой и интерактивной) форме, конструируется и интерпретируется. Это многомерные и разнообразные процессы постоянно функционируют в пространстве и времени, и непрерывно записываются и переписываются каждым из людей, часть из них постепенно составляет то, что называется культурным пространством, имеющим множество проекций [4]. Культура сейчас представляется во многом совокупностью знаний, приемов и методов, это внешнее к самому человеку, следовательно, этому можно выучиться и овладеть. Историко-культурное и культурно-географическое направления географической науки позволяют идентифицировать и наглядно, картографическим образом, отобразить исторические и текущие этнические ареалы. Чем выше культура того или иного народа, тем глубже и многообразнее, и быстрее, по его мнению, произведенные изменения и скорее естественный ландшафт преобразуется в ландшафт культурный [5].

Тогда представляется, что пространственными или **географическими проекциями** или территориями на земной поверхности являются лишь идеальные конструкции, локализованные в их структурах соответствующие разнокачественные результаты-свойства, взаиморасположение (дифференциация) и наложение (общность) которых на земной поверхности в совокупности с результатами природных процессов... составляют содержание объективного географического фактора общественного развития, обозначаемого категорией «геопространство» [6]. С другой стороны допущение контролируемости реальности, то есть ее сущностно виртуальная природа воспринимаемого, заставляет обратиться к философии и психологии виртуальной реальности (виртуалистике). В этой связи когнитивная лингвистика должным образом базируется на раскрытии способов ментальной репрезентации знаний с помощью языка, кодирование является ведущим понятием для географии. Ныне реальность становится многослойным образованием и состоит из множества реальностей, порождающих друг друга [7].

Обитаемый мир (эйкос), находится в постоянном становлении, но каждый человек одновременно существует во множестве эйкосов. Эйкос - часть мира, которая осознается в настоящий момент времени как обитаемая и отражается психикой в качестве освоенного психологического пространства. Столь же очевидно, что в обыден-

ной жизни, в рамках которых происходит большинство процессов принятия решений, нужно упрощенное и понятное для «неспециалистов», препарированное наукой знание. Ныне в реальном бытии культур и жизнедеятельности человека, в том числе и мыслительной, мы практически всегда имеем дело лишь с концептами, нагруженными коммуникативными, культурными, идеологическими и экзистенциальными контекстами. Учтем, что ныне в западной литературе принята простая формула - География + ГИС, формирующая наиболее прогрессивную платформу для понимания нашего мира. «Тормозит» же данный процесс пока малая степень вовлеченности российских географов в такого рода работы, и как следствие, низкий уровень теоретической и методологической обеспеченности ГИС проектов.

Важное состоит в том, что уже сейчас возможности ГИС настолько широки, что можно делать пространственные наработки такой степени комплексности, что даже в синергетике не достигается. Конечно, наука – как способ познания современности не имеет конкурентов: ее способ осмысления взаимосвязей и зависимости общества от природы предстают насущной необходимостью постижения реальности, исследовательских, образовательных, просветительских и финансово-материально обеспечивающих организаций, выявления закономерностей и особенностей усвоения и обработки информации. Хотя даже обычное географическое

описание можно считать конструктом, поскольку оно является той вещью, которая описывает события из опыта, который складывается в определенной историко-культурной традиции. Но во всех своих функциональных определениях, наука опирается на существующий изменяющийся социальный заказ, на общественные потребности или, что предопределяет необходимость периодической смены ее деятельности в целях оптимального обеспечения практических запросов человечества.

По В.В. Степину линейная типологичность науки выражается в последовательности смен ее этапов: классический – неклассический – постнеклассический. Здесь стоит отметить, что подмеченный советским философом Б.М. Кедровым еще в 1960-х годах начавшийся зарубежный процесс развития науки, заключающийся в ослаблении «замкнутости» науки, рост взаимодействия в некоторых случаях, приводит к тому, что один общий предмет объединяет ряд наук. В философии науки под наукой понимается «знание, деятельность, форма общественного сознания, социальный институт, непосредственная производительная сила, система профессиональной (академической) подготовки и переподготовки кадров»². В то же время, дифференциация научного знания привела и к «пропуску» возможности объяснить также саму цель существования человека. Ю.Н. Глад-

² см. Ильин В.В. Философия и история науки. М.: Изд-во МГУ 2005. С. 9.

кий рассматривая пространство гуманитарной географии убедительно утверждает, что корректно провести границу между всеми «скрепами», которые соединяют человека и природу посредством всех средств, предметов и результатов его деятельности практически невозможно [8, С. 239].

Требуется обратить особое внимание на развитие соответствующих составляющих инфраструктуры общественно-географического знания, в частности на поиск, интеграцию, дополнение и использование существующих географических данных публичного доступа. Фейерабенд обращал в свое время внимание на появившуюся именно в древнегреческом мире традицию облекать знание в письменную форму, которая без труда может быть передана и воспринята без необходимого общения с самим ученым. До этого времени, отмечает философ, «существовала только устная форма знания, кроме того, следовало непосредственно общаться самим ученым, а не просто знать, что он по этому поводу говорит. Именно с развитием греческого полиса и на тысячи лет вперед, язык приобрел особо значимую роль. Движение, перемещение – вот та деятельная основа, на которой у человека складывается представление о множестве, разнообразии и в то же время о единстве мест. Еще в начале XX века в русской антропогеографии, Л. Д. Синицкий считал, что проблема «человек–среда» требует комплексного подхода. В его кон-

цепции присутствие человека всегда сказывается на облике страны. Зависимость человека от среды проявляется в материальных фактах, связанных с удовлетворением главных потребностей человека: в пище, жилище, одежде, средствах и способах передвижения. Поэтому витальные (биологические) потребности человека были объектами антропогеографического исследования [9]. Можно с уверенностью заявлять о современном усложнении понимания пространства географией, применительно к культуре системно рассматривающей территориальную ее организацию и существующие взаимосвязи, динамику взаимовлияния и образования культурных ареалов и районов, региональных границ и проблем идентичности.

Научное «проецирование» среды обитания человека как в географии, так и в экономике, проявляется в форме выделения городов, городских агломераций, мегалополисов, социально-экономических узлов и центров, территориально-производственных комплексов и др. Это актуализирует вопрос о взаимоотношении человека и реальности, который является основным предметом исследования в экопсихологии. Одним из отличительных свойств информационного общества многими авторами признается допущение возможности конструирования и генерации реальности с помощью информационно-коммуникативных институтов, в частности массмедиа. Технологический порядок науки, прежде

всего, связан со стремлением упорядочить, организовать, поставить на службу человеку хаос «естественного», и для этой деятельности создан особый организационный формат, состоящий из исследовательских сетей (research network) с параллельным широким использованием междисциплинарных подходов, суммативно выражаемый концептом «лаборатория» [10].

Отсюда следует, что множественность моделей бытия (полионтологичность) есть свойство не нынешнего этапа познания, а реальности, состоявшейся на данном этапе цивилизационного и культурного развития. В обосновании данной постановки проблемы констатируем: процедуры геопространственных расчетов и их визуализация в картографическом формате позволяют получать наглядное и реалистичное представление о степени сохранности внешнего облика и в какой-то степени функционирования природных естественных территорий – дикой природы, так и освоенной человеком Ойкумены – антропогенно-измененной территории России. Но возможно будет здесь уместной реинкарнация и переосмысление некогда высказанных идей «отшумевших» некогда дискуссий, выделение принципиально важных зерен истины, их «доводка» и рассмотрение в попытках обновления и иного раскрытия, с учетом встраивания новых, вновь появившихся «кирпичиков знания». Это позволяет в достаточной мере объяснить факт значительного разнообразия концеп-

туальных построений в науке, включая наличие в любой её области альтернативных или соперничающих теорий и исследовательских программ.

По С.А. Лебедеву, в философии изучением деятельности по получению всеобщего, необходимого, доказательного истинного знания занимается эпистимология или философская теория научного познания. Именно в этой связи, в современном научно-практическом, общественном, политическом дискурсе пока широко распространен нормативный и сложные научно-аналитические подходы к выделению и интерпретации «регионов знания», но этого способа уже явно недостаточно. Наука как особая деятельность поддерживается соответствующей инфраструктурой, правилами, инструментальными и финансовыми средствами, в ее предназначенности актуальность является «краеугольным камнем», призмой, посредством которой фокусируется общественное внимание, превращающее теоретическое знание в прикладную разработку. География, таким образом, представляет собой наиболее удобный и проверенный временем научный инструмент человеческого познания, поскольку именно эта наука успешно обеспечивает междисциплинарные контакты исследователей наук о неживом и живом с науками о социуме и культуре в пространственно-временных координатах.

Глобализация открыла новый этап в географии мира, и фундаментальные общенаучные катего-

рии «пространство», и «время» приобрели новое содержание в своих географических проекциях таких как «территория» и «период». Важно заметить, что набор географических терминов, связанных с деятельностью человека и отражающих его языковую картину мира, всегда зависит от социально-экономических условий, ландшафтных и климатических особенностей заселяемой территории. С позиции культурной географии регион обозначается как «территориальная социокультурная общность наиболее значимых, устойчивых и динамичных параметров среды жизнедеятельности людей» [11, С. 143]. Междисциплинарность подразумевает кооперацию различных областей научного знания в смысле циркуляции и использования некоторого семейства близких по своему содержанию понятий и представлений. При таком подходе декартова система координат — просто нейтральный контейнер, в пределах которого происходят все материальные процессы. А что станет содержательной частью проекции исторического взаимоотношения человечества и природы?

Анализ и синтез многих подходов различных наук в географии обрели единую форму воплощения географического синтеза, и многообразно стали рассматриваться и детализироваться представления о природно-территориальном и территориально-производственном комплексах, ландшафтах, геосистемах, активная разработка классификационных схем и принципов и

многообразных форматов районирования. Геопространство тогда скорее будет «месторазвитием» различных видов общественной деятельности, равно как и природных процессов, придавая им специфические, «геопространственные формы». Формализованное представление об общественно-географическом пространстве-времени приобретает, таким образом, конкретно-содержательный характер лишь при «проецировании» его на территориальный (и акваториальный) субстрат, появляется территория как основное поле для проекций. Хотя, как правило, географическое исследование нередко выходит за рамки одной дисциплины, а получение интегрального результата обеспечивается благодаря взаимодействию разных форм познания и согласованности в применении разработанных ими методов и моделей.

Современная глобальная идея устойчивого развития в своей основе предполагает дальнейшее существование человечества и слагающих его этнических образований (этносов, суперэтносов, субэтносов) в режиме сбалансированного использования территории и естественных ресурсов, ограниченного определенными параметрами, которые будут обеспечивать постоянное функционирование природных средо- и ресурсообразующих процессов, благоприятных для жизни человека в рамках определенного гомеостатического коридора [13]. Осуществляется становление причинно-следственной типологизации

и выявление механизма внутренней организованности, связывание в целостность явлений действительности, сменяющей мифологическое сознание, базирующееся на восприятии как «причина-значение». Государство, народ, нация, социум, сообщество... наиболее часто повторяемые конструкты в общественных науках, но совершенно недостаточно внимание получает концепция этноса.

Д.Н. Замятин активно развивает концепцию моделирования географических образов, поскольку считает, что современные культурные, политические, и социально-экономические практики во все большей степени становятся ориентированными на активное использование различных образов пространства. По его мнению, именно геокультурологический ракурс исследования образов наиболее востребован в условиях глобализации, позволяющий сдерживать ее отрицательные тенденции при условии фиксации фиксируемых на феноменологическом уровне различных паттернов поведения и мышления в различных регионах мира. Этнос являлся одним из наиболее точных обозначений человеческой общности, которая приобретает совершенно иное «звучание» в новых условиях. Следует также учесть, что на современном этапе общий ход этногенеза в биосфере Земли достиг очень высокого уровня развития, а антропогенезация природы достигает своего максимума в урбанизированных ареалах с городской индустриальной застройкой.

Это те природно-антропогенные геосистемы, которые с уверенностью можно рассматривать как вмещающие ландшафты определенного типа этносов. Но этносы же (народы), живущие в разных эпохах, как нередко и различные социальные группы одной и той же общественной формации, как правило, совершенно по-разному понимают и описывают действительность.

Потеря естественных навыков выживания, и как следствие, все большая виртуализация жизни превращает живую природу в малоценный суррогат, компьютерный муляж, что обостряет серьезность проблемы антропогенной нарушенности природных гео- и экосистем, ландшафтов, биомов, экорегионов и иных классификационных единиц, обозначающих в различных форматах качественное своеобразие естественной природной среды человека. И этот процесс не прекращается не на минуту, достаточно очевидно, что не прекратится таковой и в будущем, возникает и не раз обсуждался вопрос – где проходит граница того, что можно и как уже делать нельзя? С наибольшей вероятностью можно утверждать, что ответы здесь находились не раз, но были отброшены неумолимой парадигмальной логикой классического, неклассического, постнеклассического познания. И ныне это - одна из серьезнейших угроз сохранению человека как гармоничного природного, биологического существа, ведь в ином случае попросту человек станет на-

бором механических запчастей, нано-био-когнитивных технологий, в чем давно уже уверены трансгуманисты. К тому же, новый вектор глобализации вполне очевиден в современных условиях, и политические и экономические силы вполне отчетливо определяют нынешнюю ситуацию, в которой Китай выступает в качестве нового центра определяющего совершенно иной миропорядок, чем ранее.

Одновременно на пространстве земного шара существуют и территории, антропогенизированные в значительно меньшей степени и представляющие собой вмещающие ландшафты этносов, находящихся на совершенно ином уровне формирования. Можно также узнать о существовании биологического, геологического, экономического, социального, культурного, политического пространства, и по сути своей, это присвоение неких кодов, создание проекций в которых и может происходить восприятие. Культурные аспекты, паттерны, как и генезис этой фундаментальной основы человечества должны быть кардинально переосмыслены и изменено их понимание. При том, что индивид, группа, сообщество и общество являются равноправными участниками единого целого и непрерывного процесса эволюции пространственного сознания. В этих центростремительных процессах затягивается и исчезает одно из наиболее существенных понятий, объединяющих и адекватно объясняющих сосущест-

зование человека и природы, - этнос.

Ныне в структурном плане социальная среда представляет собой социально-экономические, политико-идеологические и бытовые условия, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий. Сложность в том, что практически невозможно показать то обстоятельство, что этнос, какими мы бы не были условия его возникновения и утверждения, постепенно превращается в живое внутреннее единство, которое поддерживается единством исторической памяти. Наиболее харизматично было «поднято», выражено и распространено в понятиях этноса и этногенеза – выдающимся ленинградским географом-этнографом – Л.Н. Гумилевым. К этому времени советская этнография (этнология, культурология) и «ветви географии» были кардинальным образом разобщены, и целостность восприятия потеряна. Страшно здесь то, что эти глобализационные тренды текущего общественного и культурного «развития» не отображены должным образом в научном познании, и многократно искажены в отражениях многих проекций и тенденциозной подачи в масс-медиа.

Весь социальный мир, в котором мы живем, невероятно усложнился по сравнению с миром предшествующих поколений, и прошлый опыт все реже служит надежным компасом в быстро меняющейся действительности. Базовым же основанием для социально-

го запроса к науке стало то, что ведь человек как субъект познания и мир как объект его – два полюса единого «феноменального поля психики», в котором ни субъект, ни объект не могут быть выявлены, разделены однозначно и окончательно. География же представляет собой один из наиболее удобных инструментов познания, она способна обеспечивать успешные междисциплинарные контакты представителей многих научных дисциплин, соотнося различные объекты исследований в пространственную матрицу корреляционных взаимоотношений в структуре географической оболочки [14].

Академик В.А. Тишков определяет феномен этничности как одну из форм идентичности человека и культурной традиции, на основе которых существуют в различных конфигурациях и взаимосвязях человеческие коалиции (или группы), называемые этническими общностями (народами, национальностями или этнонациями) [15]. И если на местности появляются географические объекты с именами собственными, то эта территория считается включенной в жизненное пространство человека, и наоборот, если территория не освоена человеком, на ней нет объектов с именами собственными. Будущее Земли имеет ориентацию решений, подчеркивает принципы совместного проектирования и решения проблемы интеграции в различных масштабах, что особенно важно в азиатском регионе и, относящиеся к географическому аспекту «Все-

мирной Повестки дня». В философии, науке (и не только географической), художественном и обыденном процессах познания, в религиозных, мистических и духовных практиках, феномен обращения к ландшафту приобрел массовый характер³. В этой связи абстрактного пространства на Земле просто не существует, следовательно, «любой его локус, очерченный объективно идентифицируемыми границами, это, прежде всего, ландшафт, а уже потом какое-либо «пространство» [16, С. 4].

Здесь целесообразным считаю отметить и развивать оригинальную точку зрения Ю.Г. Тютюнника на место ландшафта как наследия человечества. Он вводит позицию ценности тех обыденных ландшафтов, которых очень много во всех регионах мира, весьма отличную от поддерживаемой на высшем уровне концепции Всемирного природного

³ Тютюнник Ю.Г. Пролиферация понятия «ландшафт»: почему она происходит и как относиться к ней географам? // Изв. РГО, Т. 145, Вып. 5, 2014. С. 66-78; Прощина Е.Г. Пейзаж в художественной системе романа Л. Тика «Странствия Франца Штернвальда» и романтическая «философия ландшафта» // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2011. № 1. С. 359-362; Лавренова О.А. Культурный ландшафт: от земли к космосу // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века. 2004. № 2. С. 140-151; Швидковский Д.О. Культура раннего английского пейзажного парка // Пространство и время. 2012. № 2. С. 147-162; Дивакова Н.А. Художественно-ассоциативный культурный ландшафт как предмет исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3-2. С. 215-217; Зеленцова С.В. Сюжетнокомпозиционная функция пейзажа в рассказах И.А. Бунина на материале произведений до 1917 года // Уч. Записки Орловского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 166-172.

и культурного наследия... Его принципиальная позиция аргументируется тем, что не следует выделять, объективизировать только выдающиеся, красивые, сценические, известные, и даже знаменитые места, поскольку люди чаще всего общаются с привычно-простыми образами своей культуры. Суть данного процесса он обозначает термином «онаслеживание», неологизмом взятым с англоязычной кальки heritization. Различные концепции обуславливают различный выбор признаков, методов районирования и интерпретации полученных пространственных единиц (В.Н. Стрелецкий, В.Н. Калущков, А.А. Андреев, Ю.А. Веденин, А.А. Соколова). Неслучайно, что самый цитируемый отечественный географ, Исаченко А.Г. с большой долей ревности отмечает, что «... наблюдается усиление интереса к ландшафтоведению со стороны представителей гуманитарных наук – культурологов, этнографов, лингвистов, фольклористов, пытающихся использовать ландшафтный подход в своих исследованиях... некоторые издержки этой тенденции... поверхностные представления о ландшафте» [17, С. 7].

Ландшафт рассматривается как базовая единица географического (пространственного) анализа любой территории, а установление закономерностей взаимоотношений человека и ландшафта, и проявлений антропогенной эволюции ландшафтов основывается на «сквозном» ландшафтно-

историческом исследовании территории с сопряженным изучением ландшафта и времени, ландшафта и хозяйственной деятельности. В нашей стране наиболее известны следующие концепции и подходы к идентификации и изучению культурного ландшафта: «поляризованный культурный ландшафт» Б.Б. Родомана; пространственно-статусная схема культурного ландшафта В.Л. Каганского; «нейронная» пространственная модель культурного ландшафта К.А. Павлова; модель вертикальной структуры культурного ландшафта Ю.А. Веденина; «компонентные» и «комплексные» модели М.В. Рагулиной и В.Н. Калущкова, а также подходы А.Г. Манакова, Л.Б. Вампиловой, А.Г. Исаченко, А.А. Андреева, А.А. Соколовой и др. способны составить достаточно полную теоретическую и методологическую базу таких исследований [18]. Но так было не всегда, даже учитывая, что культура каждой эпохи лишь «вычисляется» путем описания и воссоздания основного стиля (системы, формы), объединяющего все ее материальные и духовные проявления. Э. С. Кульпин определяет агротрадиционалистскую эпоху как время активного воздействия природы на общество, а урбаносциентистскую – как период активного воздействия общества на природу. В этом же смысле доисторический период можно определить как период наибольшего и прямого экологического соответствия человеческого сообщества при-

родной (географической) среде [19].

Система связей этноса и ландшафта в большей степени продукт культуры, а не просто отдельных наблюдений за природной средой. Ее направленность ведет к прояснению специфики взаимодействия человека и окружающей его среды, пространственно-временные отношения человека с природой лежат в основе любых отношений человека с окружающим миром и влияют всегда на его мировоззрение. Но современные масштабы антропогенной деятельности таковы, что сама возможность найти природную среду, в которой отсутствуют изменения под влиянием человека, представляется малореалистичной. С точки зрения науки будущей Земли, лишь концепция сохранения преемственности этногенеза может быть «устойчивой» глобальной платформой для международного сотрудничества в проведении исследований по глобальным экологическим изменениям и устойчивого развития, которая направлена на выполнения обязательств в рамках научного сообщества на конференции Рио+20, чтобы внести свой вклад в глобальную инновационную систему.

Во всем мире, колониальный период, начавшийся в 16 в. и не заверченный до сих пор, положил начало «переписыванию» прежних пространственных договоренностей, выразившихся в физическом перемещении, ассимиляции и прямом исчезновении народов, которые уже не могли выполнять свои

функции «хранителей места». Особенно в этом плане следует выделить общемировой процесс исчезновения «малых» народов, иллюстрируемый наглядными примерами из культурной, лингвистической, страноведческой и этноэкологической сфер. Таким образом, природное, как и антропогенное (культурное) пространство, не просто лимитизируется посредством начертания линейных границ, поскольку первые невозможно конкретизировать, более того скорее следует ввести понятие, что «дикая природа» – это неведомое, но предполагаемое человеком; вторые невозможно обозначить, локализовать, успешно построить в наложении контактных зон и мозаики перекрывающихся феноменов человеческих культур.

Система топонимов конкретного локуса (названия селений, близлежащих сельскохозяйственных угодий, водоемов, сопков и падей и т.д., которыми изобилуют тексты преданий) – это одновременно и система координат на местности, система ориентиров в пространстве, и регламентация земельных отношений. Тем более что функциональное назначение этих топонимов было часто сопряжено с неписаным законом, регламентировавшим земельные отношения между сельчанами. Но следует отметить также, что в названиях хранится и история «сгинувших в небытие» народов, так на восточно-сибирском региональном материале выделяется топонимический мотив, в котором географические на-

звания связаны с этнической принадлежностью древнего народа, исчезнувшего с конкретной территории. Добавим здесь, что в социальном смысле география своими методами и средствами способна формировать особый язык для представления объемной картины человеческого мира.

В народных преданиях имена собственные представляют собой группу слов, непосредственно (но довольно часто и опосредованно) связанных с национальной культурой, менталитетом, вероисповеданием создавшего этнонимы народа. Будучи выделенными из ряда себе подобных, эти объекты удостаиваются проприальной номинации и таким образом попадают в разряд «своих» (в контексте мифологической оппозиции «свой / чужой»). Мысль о том, что в языке (в том числе и в языке фольклора) воплощается менталитет, характер культуры каждого этноса, стала как в лингвистике, так и в фольклористике, аксиомой. Код в своем общем значении представляет себе систему знаков и правил их комбинирования, используемых для передачи и извлечения информации из окружающего мира или в окружающую человека среду в т.ч. для использования, хранения и обработки. Согласно Ч. Пирсу типология кодов основывается на трех типах используемых знаков - иконы, индексы и символы, где культурные коды отличаются от прочих, и широко рассматриваются в контек-

сте изучения семиотических (лингвистических) систем⁴.

В.А. Анучин писал: «Какие бы объекты (явления) ни изучались географами, они обязательно изучаются во взаимообусловленности с другими объектами и явлениями, потому что они изучаются не как целое, а как часть целого, как часть ландшафтной оболочки» [20, С. 170]. Географическая картина мира, таким образом, может конструироваться как некое организованное целое, контекстуально превышающее математико-логическую сумму взятых своих составляющих, происходит своеобразное кодирование географией. Продолжает играть большую роль знак и образ, и наш опыт использования технологий ГИС⁵ показывает возможность устранения обычных противоречий отбора значимых геобъектов с помощью встроенной «полимасштабности» выбором локаций и их инструментальной обработкой, с возможностью поэлементного отображения и редукции путем оверлейных операций. И если в качестве методологического выбора средств к расшифровке этнического кода могут быть взяты конструкты «дикая природа» и «коренные малочисленные народы», которые являются достаточными как в раскрытии онтологических и гносеологических свойств, так и в верном

⁴ Донец П.Н. К типологии культурных кодов //Вісник ХНУ № 1002. С. 6-9.

⁵ Бочарников В.Н. Биоразнообразие: оценка и сохранение на основе технологий ГИС. Владивосток: Дальнаука, 1998. 288 с.; Бочарников В.Н., Блиновская Я.Ю. Геоинформационные системы в природопользовании. Владивосток: Изд-во МГУ им. адм. Г.И. Невельского, 2009. 181 с. и др.

отображении происходящего в современном мире. То в отношении оптимального способа работы должна быть создана исследовательская междисциплинарная сеть, а интегрирующим средством такой трансдисциплинарной работы должны быть выбраны геоинформационные системы и технологии ГИС.

Особо хочу подчеркнуть, что тогда и резко усилилась роль когнитивных представлений, ведь неважно изучаем мы рельеф, почву или диких животных, мы должны выполнить синтетическую мыслительную операцию – составить целостное представление о явлении или процессе. И если древние формы очагового и переложного сельскохозяйственного освоения природных экосистем «вписывались» своими размерами в природную мозаику [21], то с появлением крупноочагового, ленточного и, тем более, фронтального хозяйственного освоения земель для крупных регионов возникла угроза не-

обратимого разрушения естественного растительного покрова, следовательно, и ландшафтов Земли. Человек, по отдельности, и человечество в целом (при условии массовости общества потребления), перестал выполнять функцию служения, и стал стремиться к максимальной степени удовлетворения потреблением своих желаний. Л.Н. Гумилев связывал это с отсутствием пассионариев, хотя их само наличие свидетельствовало о том, что действовал мощный энергетический суммарный потенциал взаимодействия конкретного этноса, тогда и появлялись пассионарии. Но прежняя модель космических договорённостей между конкретными этносами и пространством уходит в прошлое, меняется полностью энерго-информационная среда планеты, чему способствует проблема глобализации и примата геоэкономических интересов. И научных способов сопоставить все происходящее в масштабах планеты у человечества пока еще не имеется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зырянов А.И. Формула места // Региональные исследования, № 2. 2013. С.20-24.
2. Бочарников В.Н. «Дикая природа» и «культурный ландшафт»: возможности применения в ландшафтоведении // Астраханский вестник экологического образования. 2014. № 4. С. 5-23.
3. Бочарников В.Н. О международной терминологии, зарубежных представлениях и географическом смысле концепции «дикой природы» // Географи-

- ческие исследования восточных районов России: этапы освоения и перспективы развития. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2014а. С. 11-15.
4. Бочарников В.Н. Междисциплинарный подход к проблеме «природа-общество-человек». – Владивосток: Изд-во МГУ им. адм. Г.И. Невельского, 2014. – 332 с.
5. Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследова-

тельские парадигмы в культурной географии // Известия АН. — Серия географическая. — 2002. — № 4. — С. 18–28.

6. Зевин Л. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 8. С. 26-33.

7. Носов Н.А. Виртуальная психология. / Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 6. - М.: Аграф, 2000. - 432 с.

8. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география. Научная экспликация. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 664 с.

9. Ямсков А.Н. Антропогеография в трудах А.А. Крубера // *Российский этнограф*, 1993. Вып. 3. С. 196-205.

10. Вызовы XXI века: природа, общество, пространство. Ответ географов стран СНГ. - М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. - 337 с.

11. Стрелецкий В.Н. Теоретико-методологические проблемы исследований культурного регионализма // «Проблемы географической реальности», Девятые сократические чтения, Самарская Лука, 30 сентября – 4 октября 2010 г. Сб. докладов под ред. В.А. Шупера. Москва. 2012. С. 142-165.

12. Кнященко Л.П., Моисеев И.В. Философия трансдисциплинарности. М.: Институт философии РАН, 2009. 205 с.

13. Абдеев, Р. Ф., Мещеряков, М. М.. Методология устойчивого развития и пути его реализации в условиях

России. Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. Материалы международной конференции. Т. 1 (с. 288–295). М. 1996. С. 288–295.

14. Данилова В.С., Кожевников Н.Н. Основание географической картины мира // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им М.К. Амосова*, 2008. Т. 5. № 3. С. 68-72.

15. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. 2-е издание. М.: Изд-во Московского университета, 2013. 413 с.

16. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

17. Исаченко А.Г. Ландшафтоведение вчера и сегодня. Изв. РГО. 2006. Т. 138. № 5. С. 1-20.

18. Калуцков В.Н. О типах районов в культурной географии // *Культурная и гуманитарная география*. Т. 2. № 1. С. 3-9.

19. Кульпин-Губайдуллин Э.С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории к практике. Волгоград: Учитель, 2014. 336 с.

20. Анучин В.А. Теоретические проблемы географии. М.: Географгиз, 1960. 264 с.

21. Тишков А.А. Антропогенная трансформация биоразнообразия в процессе непреднамеренной интродукции (биогеографические последствия) // *Изв. РАН. Сер. Геогр.* № 4. 1995. С. 74-85.

V.N. Bocharnikov
Pacific Institute of Geography FEBRAS, Vladivostok, Russia

GEOGRAPHICAL KNOWLEDGE, THE NATURE AND GEOECONOMIC CODE CONVERSION OF MANKIND DURING THE GLOBALIZATION ERA

Space, as the basis of the living environment for everything that exists on the Earth, is the matrix of the development of any individual or social organism. It has been proven that by improving its material and spiritual nature, relations between people and relation with nature. A human is an active subject of evolution, with an increasing population on the planet, human life, to a lesser extent, is determined by the biological and cultural component, but increasingly belongs to social structures of humanity itself. The article shows that the ability to cognize the world of reality is not equal to human perception, it is supplemented by thinking, as a consequence, abstraction, idealization and interpretation are required to construct a fundamental scientific knowledge adequate for the contemporary level of development. Thus, the scientific organization of modernity appears as a deeply disconnected and differentiated process, on the one hand, as well as integration attempts and association research, expressed in the trends towards inter- and transdisciplinarity, on the other.

Keywords: Geography, science, globalization, ethnic code, GIS.

Поступила в редакцию 4 августа 2017

УДК 519.86:332.1

Т.Т. Орлова¹, Е.М.Шпынева²

Иркутский государственный университет
путей сообщения (ИрГУПС), Иркутск, Россия¹

Иркутский Национальный Исследовательский Технический Университет
(ИрНИТУ), Иркутск, Россия²

НООСФЕРНЫЙ ПОДХОД К АГРАРНО-ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Рассматриваются проблемы вторичного аграрно-информационного общества, как способ сохранения устойчивости биосферы на базе этнического природопользования.

Ключевые слова: аграрно-информационное общество, устойчивость биосферы, этническое природопользование.

18-20 октября 2010 года в Астане (Казахстан) впервые в истории состоялся Всемирный Форум Духовной Культуры (ВФДК), на котором обсуждались в числе других проблемы ноосферной цивилиза-

ции. К примеру, приведем итоговые документы секции №5 «Глобальная стратегическая инициатива мирового гражданского сообщества»: «Ноосферная этико-экологическая Конституция чело-